

употребления лекарств, приготовленных с использованием таких гирь, было принято решение запретить даже хранение неверных мер и весов в аптеках и аптечных магазинах. Однако, ситуация практически не изменилась.

Злоупотребления и мошенничества были неотъемлемой частью розничной торговли Беларуси и ежедневной жизни горожан в рассматриваемый период. Повседневной практикой торговли являлись обмеривание, обвешивание и иные виды обмана покупателей. Характерным стало низкое качество товаров, что было связано с нарушениями технологии производства и санитарных норм. Распространенным явлением были подпольные, без соответствующих документов, производство и торговля спиртными напитками и табачными изделиями. Отдельную группу правонарушений, связанных с нарушениями авторского права, составляла подделка торговых этикеток и торговых знаков.

Литература

1. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 2.
2. Литовский государственный исторический архив. — Фонд 448. — Оп. 5. — Д. 398.
3. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 13057.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. — Фонд 1. — Оп. 23. — Д. 492.
5. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 2496. — Оп. 1. — Д. 4601.
6. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 2496. — Оп. 1. — Д. 4592.
7. *Грацианов, П.А.* Очерк врачебно-санитарной организации русских городов / П.А. Грацианов. — Минск: Губерн. тип., 1899.
8. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. — Фонд 34. — Оп. 1. — Д. 394.
9. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 25981.
10. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 755.

Статья поступила в редакцию 24.12.2013 г.

А.И. Габа
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФОРМУЛЫ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

В статье исследованы содержание уголовно-правовой формулы невменяемости и проблема разграничения компетенции следователя (суда) и эксперта-психиатра по признанию невменяемыми лиц, совершивших общественно опасные деяния.

The article examined the contents of criminal law insanity formula, as well as the problem of the distribution of competence of the investigator (the court) and a psychiatric expert for the recognition of irresponsible individuals who committed socially dangerous acts.

Научная обоснованность, точность, недвусмысленность формулировок понятий, содержащихся в законе, в решающей степени определяют эффективность применения правовых норм на практике. В данной статье исследовано понятие «невменяемость», критический научный анализ которого, по нашему мнению, требует определенной корректировки. Это позволило бы правильно разграничить компетенцию органа уголовного преследования (суда) и эксперта-психиатра по признанию невменяемыми лиц в отношении инкриминируемых им деяний, а также осуществлять научно обоснованную оценку заключений экспертов органом уголовного преследования (судом).

Согласно ст. 28 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

В соответствии со ст. 9, 18, 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) только суд может признать человека виновным в совершении преступления и, соответственно, признать его невменяемым (либо вменяемым) в отношении инкриминируемого ему деяния. Заключение эксперта-психиатра является одним из источников доказательств, а содержащиеся в нем фактические данные — непосредственно доказательствами, на основе которых суд принимает решения по делу и выносит приговор (определение).

Дискуссия о разграничении компетенции между экспертом и судом вызывает интерес не только в теоретическом плане. Данная проблема напрямую связана с такими практически аспектами уголовного процесса, как оценка доказательств с точки зрения их допустимости и правильная интерпретация выводов эксперта. Без ее решения невозможен принципиальный подход следствия и суда к оценке заключений эксперта, выполнение ими требований закона о необходимости тщательного и всестороннего исследования всех доказательств по делу, в том числе и заключений эксперта, а также принятие мер к полноценному обеспечению экспертного процесса, что препятствует совершению судебно-психиатрической экспертизы и вслед за этим порождает трудности в осуществлении правосудия [1, с. 68].

Что же реально определяет эксперт-психиатр, а что устанавливает суд в процессе решения вопроса о вменяемости лица в отношении инкриминируемого ему деяния?

Авторы научно-практического комментария к УК (далее — Комментарий) в исследуемом нами понятии выделяют два критерия: юридический и медицинский. По мнению авторов, юридический критерий составляет способность лица в момент совершения деяния сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им, а медицинский — наличие, как сказано в ст. 28 УК, хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики [2, с. 89–90].

Авторы Комментария называют первый критерий двумя терминами: «юридический» и «психологический». Этим они ставят знак равенства между содержанием психологического и юридического критериев. Логическое толкование термина «юридический критерий» указывает на то, что его установление входит в компетенцию юриста, а если это психологический критерий, то его устанавливать должен психолог. Но в действительности все обстоит иначе, и возникает потребность определенного пересмотра существующей формулы невменяемости. Это не пустая формальность. Такая мера позволила бы установить соответствие терминологии, обозна-

чающей научные категории, тому содержанию, которое они реально должны иметь, и правильно применять названные критерии при оценке заключений экспертов-психиатров. Логичные, обоснованные возражения против отождествления понятия психологического критерия с критерием юридическим вместо критерия медицинского высказывались учеными уже на протяжении более четверти века [3, с. 31].

Одной из главных проблем толкования авторами Комментария существующей формулы невменяемости с учетом имеющегося в ней юридического (психологического) критерия является то обстоятельство, что оно не дает ответа на вопрос о разграничении компетенции юриста (следователя, суда) и эксперта-психиатра. Неспособность (либо способность) лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им устанавливает психиатр, а не юрист (следователь или суд). Психиатр устанавливает также наличие психического расстройства, ставшего причиной такой неспособности в момент совершения деяния, и его нозологическую принадлежность.

Напрашивается вывод, что эксперты-психиатры, пользующиеся, согласно ныне существующей в законе формуле, как медицинским, так и юридическим критериями невменяемости, имеют право применять сами термины «вменяемость» и «невменяемость», пока они отождествляются с психическим состоянием субъекта во время совершения им общественно опасного деяния [3, с. 32]. Ведь эксперты в своем заключении должны не только указать диагноз, но и разъяснить, могло ли лицо по своему психическому состоянию во время совершения общественно опасного деяния сознавать фактический характер своего действия (бездействия) или руководить им. А это означает не что иное, как фактическое решение экспертом вопроса о вменяемости / невменяемости, ибо к его компетенции в этом случае относится определение и медицинского, и юридического (психологического) критериев, отнесенных ко времени совершения данным лицом общественно опасного деяния и тем самым исчерпывающих смысловую сторону обсуждаемого понятия [1, с. 45].

Таким образом, согласно изложенному в УК содержанию понятия невменяемости, эксперт-психиатр устанавливает все компоненты смысловой стороны понятия «невменяемость». Следователю или суду, назначившему экспертизу, остается либо согласиться с выводами этого эксперта, либо, усомнившись в их обоснованности, назначить повторную экспертизу, повторив названную процедуру. При этом, выполняя свою обязанность по оценке заключения эксперта, следователь и суд не могут в полной мере провести такую оценку применительно к изложенным в УК юридическому (психологическому) и медицинскому критериям, поскольку не обладают специальными знаниями в сфере психиатрии и не владеют применяемыми при экспертном исследовании методиками в достаточной для этого степени (вследствие чего они и вынуждены обращаться к экспертам). Итак, при таком содержании критериев понятия «невменяемость» суд своим решением только придает законную силу тому обстоятельству, которое установили эксперты [4, с. 136].

Вести речь о признании лица невменяемым (вменяемым) можно лишь тогда, когда установлено, что именно оно совершило инкриминируемое ему деяние, и сам момент совершения совпал по времени с тем состоянием субъекта, которое вызвало у следователя (суда) сомнения относительно его психического здоровья и зафиксировано в соответствующих документах, представленных на экспертизу (протоколы допросов, осмотров места происшествия, очных ставок, проверки показаний на месте, медицинских документов и др.) [5, с. 17]. В этом плане и деяние, и лицо являются юридическими категориями, их установление и определение причинно-следственной связи между ними является компетенцией юристов и служит непременным условием последующего возникновения сомнений во вменяемости лица. В связи с

этим юридическим критерием невменяемости должен стать установленный следствием (судом) факт совершения конкретного общественно опасного деяния (включая всю его объективную сторону) конкретным лицом в конкретный момент времени (а именно — в момент наличия у него исследуемого психического состояния, отраженного в документах, являющихся источниками доказательств и предоставленных эксперту).

Этот критерий необходим для того, чтобы отграничить данное деяние от административных правонарушений, неадекватных действий, требующих оказания обычной психиатрической помощи, от таких форм поведения, которые свидетельствуют об уголовно-процессуальной либо гражданско-процессуальной недееспособности. Установление такого критерия является юридическим основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы. Поскольку установление данного критерия предполагает выявление элементов объективной стороны деяния, он позволяет судить об общественной опасности признанного невменяемым лица и о необходимости применения к нему принудительных мер безопасности и лечения.

Поиски истинного содержания юридического критерия невменяемости велись учеными еще с 60-х гг. прошлого столетия [6, с. 21]. В частности Ю.С. Богомяков, обобщая их взгляды, предлагал два признака юридического критерия: факт совершения лицом общественно опасного деяния и совпадение по времени совершения лицом указанного деяния с болезненным состоянием его психики, исключающим возможность сознательного поведения [7, с. 106].

Термин «психологический критерий невменяемости» также представляется неприемлемым. Объектом исследования психологии является психическая деятельность психически здорового человека, психиатрии же — патология психики. Можно говорить о психологическом критерии вменяемости и психиатрическом критерии невменяемости. Этот момент не является формальной манипуляцией терминами. В данном случае эти термины указывают на то, в чью компетенцию (психолога или психиатра) входит установление критерия. Неспособность человека сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им является проявлением и следствием определенного психического расстройства, поэтому устанавливается экспертом-психиатром. Здесь следует пояснить, что эта неспособность может быть проявлением и следствием иного обстоятельства, например сна или умственной отсталости непатологической природы, вызванной крайне негативными условиями жизни, отсутствием социально полезных контактов, особенно в детском и подростковом возрасте. Но такая ситуация не охватывается понятием «невменяемость».

Из этого следует вывод: то, что авторами Комментария именуется юридическим (психологическим) и медицинским критериями, на самом деле в совокупности является психиатрическим критерием. В нем можно выделить два элемента (признака): функциональный (неспособность сознавать фактический характер своего действия (бездействия) или руководить им) и нозологический (хроническое психическое расстройство (заболевание), временное расстройство психики, слабоумие или иное болезненное состояние психики). Такой вывод определяется тем обстоятельством, что психиатрический диагноз наряду с названием болезни, обязательно включает функциональный диагноз, отражающий степень выраженности, глубину психических нарушений через такие клинические понятия, как синдром (бредовой, галлюцинаторный, амнестический, слабоумия и др.), течение заболевания, стадию процесса и ряд других.

Функциональный диагноз является обязательным элементом диагноза больного. Без него нозологический диагноз, именуемый также названием болезни, является абстракцией, лишаящей врача возможности решать вопросы выбора варианта лечения конкретного больного,

определения его трудоспособности, социальных льгот и ограничений, связанных с болезнью. В экспертной практике функциональный диагноз играет ту же роль, но применительно к общественно опасным деяниям и в целях более удобного понимания его юристами обозначается как неспособность сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) либо контролировать свои действия и руководить ими.

Отсюда следует, что полный психиатрический диагноз обязательно включает в себя и отражает в медицинских понятиях оценку способности данного лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им.

Дальнейший анализ содержания понятия «невменяемость» позволяет выявить еще одну формулировку, требующую корректировки. Речь идет о том, что авторами Комментария именуется медицинским критерием, а именно — о хроническом психическом расстройстве (заболевании), временном расстройстве психики, слабоумии или ином болезненном состоянии психики. Формулировка медицинского критерия практически однозначна в УК Республики Беларусь, России, Украины и вызывает критическое отношение у многих ученых в этих странах (как у психиатров, так и у юристов), считающих содержащийся в нем перечень видов психических расстройств излишеством, препятствующим правильному толкованию его признаков правоприменителями и эффективному решению задач уголовного процесса [8, с. 6, 10].

Законодательная формула должна исключать двоякое толкование. Названный выше перечень элементов медицинского критерия не отвечает этому требованию. В частности, третий его признак, именуемый слабоумием, можно понимать неоднозначно. Недоразвитие интеллекта (слабоумие) может быть следствием патологии психики, как врожденным либо приобретенным в первый год-два жизни, так и возникшим в результате определенного неблагоприятного развития и течения психического расстройства (чаще на конечных стадиях развития) в любом ином возрасте. Но недоразвитие интеллекта (в том числе выраженное) может иметь и не патологическую основу, а, как уже было сказано, являться следствием крайне негативных условий воспитания и отсутствия социально полезных контактов в детском и подростковом возрасте. Авторы Комментария ведут речь только о слабоумии патологического происхождения. Но мнение автора Комментария — это не положение закона, а только частное мнение высококвалифицированного юриста, каким бы научно обоснованным оно ни было, со всеми возможными правовыми последствиями различной трактовки такого термина на практике.

Если законодатель в качестве третьего признака медицинского критерия имел в виду только слабоумие патологической природы, то это понятие («слабоумие») является частным по отношению к понятию «психическое расстройство» и поглощается последним. Точно так же обозначающее четвертый признак медицинского критерия понятие «иное болезненное состояние психики» поглощается понятием «психическое расстройство». Так, авторы Комментария отмечают, что «иное болезненное состояние может наступать при инфекционных заболеваниях (например, при брюшном и сыпном тифе, воспалении легких), болезнях внутренних органов, нарушении обмена веществ и др.» [2, с. 89]. Но это и есть психические расстройства, а именно — психические расстройства при соматических заболеваниях.

Исходя из изложенного нозологический признак названного выше психиатрического критерия можно обозначить термином «хроническое или временное болезненное (патологическое) расстройство психической деятельности». Такая формулировка позволит четко отграничить для правоприменителей расстройство психики патологической природы от нарушений психической деятельности, недоразвития психики непатологической природы. Иное более детальное разделение его на отдельные элементы, т.е. на отдельные категории расстройств психики не имеет смысла, поскольку такое перечисление их в законе не влияет на

решение суда о признании лица невменяемым. Для суда принципиально важно установить два обстоятельства: а) неспособность лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им в конкретный момент времени; б) причину такого состояния (указанной неспособности) в виде расстройства психики, ее патологии.

Таким образом, содержание ч.1 ст. 28 УК, на наш взгляд, целесообразно было бы изложить в следующей редакции: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, признанное судом невменяемым, т.е., которое во время совершения инкриминируемого ему предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния не было способно сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить ими в по причине хронического или временного болезненного расстройства психической деятельности».

Предлагаемая нами формула невменяемости охватывает нозологическим признаком психиатрического критерия все известные психические расстройства (как достигшие, так и не достигшие психотического уровня). Такое важнейшее обстоятельство, как глубина психического расстройства, отражалось бы в этой формуле посредством функционального признака психиатрического критерия, а юридический критерий определял бы то, что инкриминируемое деяние предусмотрено уголовным законом, отграничивал бы его от иных форм противоправного поведения, указывал бы на компетенцию суда в признании лица невменяемым и на факт того, что интересующее следствие и суд психическое состояние лица имело место в момент деяния. Указание на то, что психическое расстройство может быть как хроническим, так и временным, представляется целесообразным, поскольку при хроническом заболевании психическое состояние лица, ставшее основой для признания его невменяемым, сохраняется либо может повториться в дальнейшем. Оценка этого обстоятельства имеет решающее значение для принятия судом решения о необходимости применения к лицу принудительных мер безопасности и лечения.

Литература

1. *Первомайский, В.Б.* Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта / В.Б. Первомайский // Сов. государство и право. — 1991. — № 5. — С. 68–76.
2. *Дубовец, П.А.* Комментарий к ст. 28 УК / П.А. Дубовец // Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. — 2-е изд., с изм. и доп. — Минск: БГУ, 2010.
3. *Шишков, С.Н.* Понятие вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве (некоторые концепции и аспекты) / С.Н. Шишков // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии: сб. науч. тр. / ВНИИ общ. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского; под ред. Г.В. Морозова. — М., 1983. — С. 30–33.
4. *Первомайский, В.Б.* Невменяемость / В.Б. Первомайский. — Киев: КВЦ, 2000.
5. *Чемруков, В.* О правовой оценке общественно опасных деяний, совершенных в состоянии невменяемости. / В. Чемруков // Судовы веснік. — 2005. — № 4. — С. 15–17.
6. *Протченко, Б.А.* К понятию невменяемости / Б.А. Протченко // Сов. юстиция. — 1987. — № 17. — С. 20–23.
7. *Богомяжков, Ю.С.* Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки / Ю.С. Богомяжков // Сов. государство и право. — 1989. — № 4. — С. 105–107.

8. Тугушев, Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.Р. Тугушев; Саратов. юрид. ин-т МВД России. — Саратов, 2002.

Статья поступила в редакцию 10.12.2013 г.

Д.М. Демичев
доктор юридических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ФУНКЦИЯ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ В СИСТЕМЕ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются теоретические аспекты функций государства, обосновывается объективное возникновение новой функции государства — минимизации последствий Чернобыльской катастрофы, которая по своему содержанию и признакам относится к категории основных функций государства.

This article discusses the theoretical aspects of the functions of the state, the objective emergence of the new state function — the function which minimize the consequences of the Chernobyl disaster is substantiated, which is classified as the core function of the state in its content and features.

Функции любого государства чрезвычайно многоплановы. Их формирование происходит в ходе становления, укрепления и развития государства. Последовательность возникновения большинства функций государства находится в полной зависимости от проблем, встающих перед обществом на том или ином отрезке истории. Да и само содержание функций не остается неизменным на всех этапах развития общества и государства — трансформируются или исчезают одни функции, возникают другие. Будучи органически связанными с государственным механизмом, вместе с ним они по мере развития политической, экономической и социальной системы общества претерпевают значительные изменения. Большим своеобразием отличаются функции государства в периоды коренной ломки общественных и государственных отношений, радикальных социальных перемен и революционных потрясений, общественно-политических катаклизмов, переходных состояний общества, иных экстремальных ситуаций.

В результате Чернобыльской катастрофы на значительной территории Республики Беларусь и сопредельных государств на длительный период изменились условия окружающей среды, жизни и быта людей. В загрязненных регионах и местах переселения людей на продолжительную перспективу предстоит коренная территориально-структурная перестройка экономики, социальных условий жизнедеятельности людей, многие поколения которых будут вынуждены жить в условиях радиоактивного загрязнения. Уникальность ситуации и отсутствие в мировой практике прецедентов подобного масштаба поставили перед государственными органами Беларуси, России и Украины совершенно новые задачи политического, социально-экономического, правового и нравственного характера.

Таким образом, в результате Чернобыльской катастрофы в Беларуси, России и Украине сложилась чрезвычайная ситуация, анализ которой позволяет сделать вывод о том, что в дея-